

как объект воздействия политики государства. Такой подход был характерен особенно для зарубежных исследователей, которые оказали влияние и на советскую историографию.

Вера во всемогущество византийского централизованного государства нередко как бы снимала вопрос о том, что это всемогущество имело реальную социальную основу в прочной и устойчивой системе социальных отношений, а не опиралось лишь на силу бюрократических установлений. Эта проблема особенно важна для ранней Византии — позднеантичного общества, устойчиво просуществовавшего три столетия — до начала VII в.

Из поля зрения многих исследователей, изучавших сумму конкретных мер и действий законодателей, как бы ускользали общие социальные принципы и установки, т. е. то, что мы можем назвать в полном смысле этого слова системой социальной политики государства, которыми в целом руководствовалось общество и которые находили отражение в политике государства. Эта система во многом отличалась от предшествующей — II—IV вв., но была достаточно четко ориентированной. Именно общее влияние устойчивых социальных принципов государственной политики в достаточной степени не учтено рядом исследователей при оценке всей суммы законов. Между тем выяснение влияния господствующих тенденций социальной государственной политики и является наиболее существенным, ибо в нем отражается характер социальной структуры общества, его установки и принципы посредством их реализации в законодательстве. Разумеется, колебания в социальной политике были, и зависели они от обстоятельств и интересов группы, находившихся у власти в тот или иной период. Но была и общая, «средняя», принципиальная линия по отношению к различным социальным сословиям и группам, последовательно проходившая через все ранневизантийское законодательство и отражавшая его принципы и социальную сущность.

Э. Арвейлер отметила, например, одну, внешне формальную, но общую черту ранневизантийского законодательства — безусловный, четко фиксируемый количеством законов примат интересов горожан и городских проблем³⁰.

Для того чтобы получить представление о динамике социальной структуры, а также для понимания реальной значимости рассматриваемых проблем, мы должны учитывать исходный социальный вес различных социальных сословий и групп в начале рассматриваемого периода³¹. Социальная структура ранневизантийского периода должна быть сопоставлена и с более поздней³². Такое сопоставление, конечно в общей форме, можно сделать на основании имеющихся исследований.

Нам кажется, что исследователи, несколько акцентирующие процесс развития феодализма в Византии путем переоценки момента «экономической» целесообразности, забывают о факторе, на значение которого для последней стадии античности обратил особое внимание А. Р. Корсунский³³. В качестве такого фактора выступает социальный консерватизм системы и мышления как важнейший тормоз перестройки общества на началах новых отношений — черта, характерная для большинства обществ и являющаяся неизбежным наследием всей предшествующей эпохи. В свое время на этот фактор обратил внимание М. Я. Сюзюмов, который,

³⁰ Ahrweiler H. *L'idéologie politique de l'Empire byzantin*. P., 1975.

³¹ Курбатова Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 114.

³² Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 212.

³³ Корсунский А. Р. Проблемы революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе // В.И. 1964. № 5. С. 72—86.